

АРХЕОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ: ПРЕДМЕТНЫЕ ОБЛАСТИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Предпринимается попытка обозначить и систематизировать основные направления исследований, развивающиеся в рамках проблемы взаимоотношений археологии и национализма. При этом выделяются три предметные области. Первая изучает методологические основы и логику развития национального дискурса в археологическом знании, вторая рассматривает использование археологии государством с целью национальной мобилизации, третья раскрывает роль археологии в формировании социальной памяти как специфического восприятия прошлого, образующего совокупный политический субъект.

Ключевые слова: археология; национализм; этногенез; псевдонаука; социальная память.

Теоретические исследования взаимозависимости археологии и политики зародились в рамках «марксистской археологии», развивавшейся в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. Поскольку взятый на вооружение принцип «партийности» исключал возможность внеклассового осмысления прошлого, советские ученые большое внимание уделили поискам общественно-политических корней теорий буржуазных коллег. Чаще всего изобличалось обслуживание западными учеными колониальных интересов империализма. В Малой советской энциклопедии 1933 г. в статье «Археология» говорится: «Рост буржуазно-национальных движений, с одной стороны, и колониальный захват промышленным капиталом стран Востока с древней цивилизацией (Египет, Месопотамия и др.), с другой стороны, вызвали к жизни археологию отдельных народов и их групп (французскую, русскую, славянскую, германскую, романскую) и археологию древневосточных культур (ассириологию, египтологию и пр.)» [1. Стб. 537]. Особой критике подверглись положения национально-ориентированного миграционизма, ярким представителем которого являлся немецкий археолог Густав Косинна. Благодаря этому была раскрыта социально-экономическая, классовая сущность косиннизма, его связь с идеологией германского национализма [2. С. 144].

Серьезное влияние на методологию отечественной археологии оказал патриотический поворот советской идеологии середины 1930-х гг. Его содержанием стал переход от преобладавших в первые годы советской власти идей интернационализма к идеям, обосновывающим построение национального государства [3. С. 41–48]. Изменение идеологии сопровождалось беспрецедентным давлением на гуманитарную науку вплоть до непосредственного вмешательства политических деятелей в процесс изучения древней истории [4. С. 129]. В итоге от критики методологии Косинны отечественные исследователи перешли к критике его выводов, причем делалось это с теоретических позиций самого Косинны [5. С. 60; 6. С. 149]. Особенно ярко национальная составляющая в археологии проявилась в изучении древней истории славян, которая стала частью официальной идеологии советского государства [7. С. 86–88]. В такой обстановке объективное изучение проблемы взаимоотношений археологии и политики было весьма затруднительно и даже небезопасно. Несмотря на то что во второй половине XX в. политическая острота палеоэтнических столкновений постепенно стала ослабевать [8. С. 25], предпосылок для нового

осмысления взаимосвязи археологии и национализма так и не возникло. В 1970–1980-е гг. новое поколение советских ученых этих вопросов практически не касалось. Большая часть отечественных археологов перешла на интерналистские позиции академического нейтралитета, что на практике выразилось в отходе на позиции эмпиризма, который был возведен в принцип [9. С. 206].

В это же время вопросы взаимосвязи археологии и национализма обрели актуальность на Западе. Ключевым, по мнению британского ученого Р. МакГуайра, стал вопрос, поднятый в 1979 г. мексиканскими археологами: Для кого археология? (*Arqueologia para quien?* / *Archaeology for Whom?*) [10. С. 9–10]. Сама формулировка вопроса подразумевает, что археология не является чистым знанием, а неизбежно обслуживает интересы определенных социальных групп. На то, что для западной археологии этот вызов был достаточно неожиданным, обращает внимание Майкл Шэнкс [11. С. 490–508]. Его попытка вместе с Крисом Тилли в середине 1980-х гг. поднять проблему взаимовлияния археологии и политики была воспринята академическим сообществом крайне критично. Многими археологами выступления Тилли и Шэнкса были восприняты как посягательство на чистоту предмета науки.

В последние два десятилетия ситуация кардинально изменилась. Помимо кумулятивных факторов развития археологии, которые очевидно следует связывать с распространением в рамках постпроцессуальной археологии идей марксизма и постмодернизма, важную роль сыграл рост национальных движений и стремительное национальное строительство. В 1990-е гг. вопросы общественно-политического контекста археологии заняли достойное место в научной проблематике. В обсуждение проблемы взаимоотношений археологии и политики постепенно включились специалисты различных обществоведческих дисциплин.

Постоянная интервенция тематики, связанной с взаимоотношениями археологии и национализма, в различные отрасли обществоведения указывает на то, что она отнюдь не сводится, как это иногда представляется, к односторонним манипуляциям прошлым со стороны государства. Речь идет о куда более сложных, многоуровневых механизмах, обусловленных качественными характеристиками различных по своей природе феноменов. Таким образом, разнообразные направления теоретических изысканий в этой области обозначились с учетом того, что археология как знание

о далеком прошлом и формирующая национальное самосознание политическая идеология оказываются в тесной взаимосвязи благодаря своим фундаментальным свойствам. Это само по себе создает большие сложности теоретического плана: от затрудненности в ориентации в методологических подходах до проблем совмещения понятийного аппарата различных дисциплин и научных школ. В данной работе предпринимается попытка обозначить и систематизировать основные направления исследований, развивающиеся в рамках проблемы взаимоотношений археологии и национализма.

Основные исследовательские объекты, актуализирующиеся в рамках изучения проблемы взаимоотношений археологии и национализма, – научное знание, государственная национальная политика, национальные движения – формируют три ключевые предметные области, которые условно можно обозначить как научную, политическую и социальную. Первая (научная) предметная область взаимоотношений археологии и национализма включает изучение методологических основ и логики развития национального дискурса в археологическом знании. Иными словами, речь идет о научных концепциях и подходах, которые формируют культурный капитал национализма.

Зарождение национального дискурса во многом связано с распространением идей романтизма. Неслучайно одним из первых идеологов современного национализма считается предвестник романтизма И.Г. Гердер [12. С. 125]. В начале XIX в. универсалистский пафос Просвещения сменяется всеобщим поиском национальных корней. Если классицизм в качестве идеала рассматривал культуру Античности, то романтики апеллировали к национальным ценностям: «...романтики были склонны смотреть на прошлое как таковое с восхищением и симпатией, напомиравшими чувство гуманистов по отношению к греко-римским древностям, – писал Р. Дж. Коллингвуд. – Но за этим сходством скрывалось и глубокое различие. В принципе оно заключалось в следующем: гуманисты презирали прошлое как таковое, но рассматривали некоторые его факты как приподнятые над потоком времени, так сказать, очистившиеся от него, в силу внутренне присущего им совершенства, что и делало их классическими или вечными образцами для подражания. Романтики же восхищались теми или иными достижениями прошлого потому, что видели в нем дух собственного прошлого, ценного именно потому, что оно было их собственным» [13. С. 85–86].

Изменение идеологии влекло за собой изменение исторической конъюнктуры, что нашло отражение и в археологии [14. С. 51, 99; 15. С. 66].

С изменением понимания престижности прошлого изменились и установки в трактовках археологических материалов, теперь важно было подчеркивать их отношение к современным народам. Так, в созданном в 1846 г. Императорском Русском археологическом обществе ведущую роль играло Отделение русской и славянской археологии, и во второй половине XIX в. среди общественности распространилось убеждение, что предметом изучения русской археологии является древняя история русского человека [16. С. 44].

В первой половине XX в. использование империалистическими государствами археологии для обоснования колониальной экспансии или территориальных претензий стало обычной практикой. Утверждение национального дискурса в археологии связано со становлением культурно-исторической школы. Ее методологические основы сформулированы в трудах Г. Косинны и Г. Чайлда. Содержание концепции Г. Косинны определяют такие национально-ориентированные принципы, как этническое истолкование археологических культур, культурной преемственности и типологических соотношений, совмещение народов с расами, апелляция к «историческому праву», подбор археологических прецедентов современных планов агрессии и т.д. [17. С. 515–518]. Новый импульс разработки этнических историй придало творчество Г. Чайлда, который наполнял термин «археологическая культура» этническим содержанием [18. С. 17].

Наконец, во второй половине XX в. национальный дискурс в археологии получил развитие в этногенетических исследованиях, широко распространенных в отечественной науке [19. 48–56]. Основной их чертой является прямое отождествление археологической культуры с этносом, что соответственно приводит к поискам «генетических» истоков народа на основе определенных артефактов-маркеров. Этноты понимают как живые организмы, самостоятельные субъекты исторического процесса, а в исторической ретроспективе как правило речь ведется о протоэтнических образованиях (праславяне, протогерманцы и т.д.). Таким исследованиям присуща проблематика поиска исторических корней народа, выявление закономерностей развития этноса, его периодизация, характеристика контактов с другими этносами. Л.С. Клейн выделяет такие черты подобного рода исследований, как отождествление археологической культуры и этноса, убежденность в наличии устойчивых «этнических признаков» и этническом значении культурных свойств [20. С. 43]. В качестве методики практикуются комплексные исследования, которые зачастую строятся на отождествлении антропологических, этнических, культурных, лингвистических и археологических феноменов.

Получаемые в итоге результаты подспудно формируют представление о глубокой древности народа и позволяют осуществлять мобилизацию по национальному принципу, таким образом, этногенетический подход по определению содержит в себе механизм формирования национальной идентичности. Поэтому неудивительно, что изучение этногенеза вызывает повышенный интерес у национальных активистов. В связи с этим в «научном» проблемном поле взаимоотношений археологии и национализма актуализируется еще одно направление – влияние на формирование национального самосознания псевдонаучной литературы. В свою очередь это поднимает вопросы соотношения в археологии научного и дилетантского подходов.

Археология всегда была притягательна для дилетантов: во-первых, кажущейся простотой исследовательских операций, которые, на первый взгляд, не требуют специальной подготовки; во-вторых, романтической экспедиционной атмосферой, которая усиливается схожестью работы археологов с работой детективов.

Особый психологический тип заблуждающегося человека, неистового в защите своих убеждений, не раз привлекал внимание историков науки [21. С. 112; 22. С. 574].

Наверное, нет таких выдающихся археологических объектов, которые не стали бы объектом псевдоархеологических изысканий. Среди наиболее известных иностранных псевдоархеологов – Эрих фон Деникен, который утверждает, что до появления человеческой цивилизации Землю населяли инопланетяне, или Г. Хэнкок, который считает, что подо льдами Антарктики сохранились останки великой цивилизации [23. С. 243]. Отечественная публицистика также богата псевдонаучной литературой, среди которой есть теория о космическом масштабе славянской цивилизации В.А. Чудинова и близкая ей концепция «Гипербореи» В.Н. Демина, «новая хронология» академика А.Т. Фоменко, «расология» В.Б. Авдеева, «сокровенная история тюрков» М. Аджи и пр.

В современной историографии уделяется внимание экономическим, политическим, социально-психологическим аспектам псевдонауки [24–26]. Проанализировав труды «расолога» В.Б. Авдеева, Шнирельман указал на несколько характерных приемов, которые можно считать универсальными для псевдонаучных исследований. Среди них неполное или вовсе неверное цитирование авторитетных авторов; комментарии, до противоположного искажающие смысл цитаты; невладение историографией проблемы; необоснованные заявления; использование устаревших данных; эмоциональность изложения и наличие субъективных оценок [27].

Характерной тенденцией стало увлечение археологией профессионалов из других областей. «Обычно это естествоведы и специалисты в технических областях, – отмечает Л.С. Клейн. – Владея виртуозно своей специальностью, они проникаются убеждением, что могут запросто открыть истины и в гуманитарных науках, полагая, что там-то особых сложностей нет и особой методики не требуется» [28]. В целом подобного рода исторические изыскания можно было бы принять за смелые эксперименты, если бы они: во-первых, не дискредитировали сам подход; во-вторых, что является самым тревожным, не порождали национализм ярко выраженного расистского характера. Неизбежно сталкиваясь с многочисленными противоречиями в данных, авторы этих теорий для их разрешения прибегают к другим псевдонаучным концепциям. Увеличение количества псевдонаучных теорий приводит к их неизбежной интеграции, что также можно считать характерным признаком современной псевдонауки.

В центре внимания второй, «политической» области взаимоотношений археологии и национализма оказывается зависимость исторических интерпретаций археологических материалов от политической конъюнктуры, использование государством археологии с целью национальной мобилизации. Ярким примером политической эксплуатации археологии безусловно является фашистская Германия [29]. Советская историография, особенно середины XX в., также являет собою яркий пример вмешательства государства в археологию. В работах Л.С. Клейна, В.А. Шнирельмана, А.М. Дубровского, А.Л. Юровского, А.А. Формозова показаны перипетии драматичной идеологической борьбы совет-

ского периода развития исторической науки, показан политический контекст содержания научных дискуссий [30–34]. По очевидным причинам в политических режимах, жестко контролирующих общественное сознание, манипуляции прошлым действительно проявляются значительно рельефнее, однако следует понимать, что воздействие на науку – объективное явление, свойственное любому национальному государству.

Общепризнанным положением можно считать теснейшую связь генезиса археологии с появлением национальных государств. «Бессмысленно рассуждать о том, как бы развивалась антикварная археология без влияния национализма, – пишут М. Диас-Эндрю и Т. Чемпион, – но одним из последствий этого влияния было утверждение археологии как профессиональной дисциплины» [35. С. 21]. Именно национализм вывел археологию на качественно новый уровень и способствовал ее институализации [36. С. 227]. Учреждение в первой половине XIX в. нового типа государств, чьи границы носили произвольный характер и не совпадали с границами культурными, требовало авторитетных обоснований, в качестве которых стали выступать исторические реконструкции, базирующиеся, в том числе, и на археологических источниках. «Археология доставляла вещественные доказательства древности наций, начальных этапов ее формирования, открывала национальные художественные и исторические ценности» – писал А.Л. Монгайт [37. С. 35].

В начале XIX в. европейские государства взглянули на прошлое сквозь призму национализма. Французы хотели связать свои истоки с кельтами, англичане – с бриттами и англоаксонами, скандинавы – с готами, немцы – с пруссами и тевтонами. При этом повсюду отмечается стремление подчеркнуть в легендарных предках те черты, которые высоко ценились в настоящем [38. С. 2]. Таким образом, формирование национальных государств и становление археологической науки, имея разную природу, оказались исторически тесно взаимосвязаны.

Помимо анализа конкретных историографических ситуаций, связанных со становлением, развитием того или иного национализма [39. С. 315–319], исследователи сосредоточиваются на механизмах воздействия государства на археологию и через нее – на массовое сознание. Можно выделить несколько вариантов взаимодействия государства и археологии, связанных с формированием национальной идентичности.

Во-первых, по инициативе и при непосредственной поддержке государства создается исследовательская инфраструктура – формируются научные организации, проводятся съезды и конгрессы, выпускаются регулярные журналы. Все это происходит по мере осмысления государством консолидирующей силы прошлого.

Во-вторых, прямая функция государственной власти проявляется в создании законодательства по охране культурно-исторического наследия. Со второй половины XIX в. начинают появляться комитеты охраны памятников и археологические объекты начинают регистрироваться и охраняться.

В-третьих, огромное значение для формирования национального сознания оказало устройство музеев. «Ведь музеи и музейное воображение, – замечает

Б. Андерсон, — в глубине своей политичны» [40. С. 196]. Экспозиция, построенная по хронологическому принципу, сама по себе указывает на историческую преемственность культуры нации с культурой предшествующих периодов, уходящей в глубокую древность. Развитие демократических процессов стимулировало интерес к древнему прошлому со стороны широких масс. Это приводит к трансформации закрытых частных собраний древностей в национальные музеи. «Постепенно, — отмечает Т.Ю. Юренева, — в системе ценностей европейского общества стало укореняться представление о музее как учреждении общенациональной значимости и необходимом атрибуте суверенного государства» [41. С. 188]. Во второй половине XIX в. в Европе национальные музеи стали открываться повсеместно.

В-четвертых, эффективным способом презентации национального мифа являются школьные учебники и символика государства. Всеобщее среднее образование — один из важнейших факторов национализма. «Монополия на законное образование сейчас важнее и существеннее, чем монополия на законное насилие, — отмечал Э. Геллнер. — Когда это будет понято, тогда будет понята и неизбежность национализма, его укорененность не в человеческой природе как таковой, а в определенном типе социального устройства, ставшего теперь основным» [42. С. 85]. Важнейшая идея, в которой проявляется национальный дискурс, в школе сводится к утверждению о прямой преемственности современных государств народам, населявшим эти территории в древности [43. С. 86]. Для обоснования этих положений привлекаются археологические данные. В итоге получается стройная картина последовательного развития народа государства, в которой периоды до появления письменных источников представляют сменяющие друг друга археологические культуры.

В-пятых, важным способом трансляции национального мифа с использованием археологических данных является символическая политика государства. Если школьный учебник — важнейший фактор в формировании национального воображения, то государственная символика постоянным напоминанием о родине позволяет это воображение регулярно воспроизводить. Привлечение археологической тематики в государственной символической широко распространено на постсоветском пространстве.

Наконец, третье, «социальное», проблемное поле, формируемое взаимоотношениями археологии и национализма, включает изучение роли археологии в формировании социальной памяти как специфического восприятия прошлого, образующего совокупный политический субъект. На неразрывную связь национализма и представлений о прошлом обратил внимание еще один из первых теоретиков национализма Эрнест Ренан: «Культовый предков — самый законный из всех; предки сделали нас такими, какими мы являемся в настоящее время. Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная), — вот главный капитал, на котором основывается национальная идея. Иметь общую славу в прошлом, общие желания в будущем, совершить вместе великие поступки, желать их и в будущем — вот главные условия для того, чтобы быть народом» [44. С. 101].

В национальном сознании принципиальное значение имеют представления о прошлом — коллективная память, представленная в виде мифов. Поэтому прошлое, и археология в частности, играют для общества не только мобилизующую, но и стабилизирующую роль. Представления о прошлом нации являются важным содержательным элементом национальной идентичности, что обеспечивает саму возможность функционирования национального сообщества. Прошлое в социальной памяти представлено в виде мифа — универсального инструмента, объясняющего действительность с помощью символов. При этом он выступает как явление исключительно коллективное, придающее прошлому сакральный характер, делающее его объектом почитания и гордости. «В культурной памяти, — пишет Я. Ассман, — фактическая история преобразуется в воссозданную воспоминанием, то есть миф. Миф — это обосновывающая история, история, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения» [45. С. 55]. В этом качестве миф неотделим от национальной идентичности.

В.А. Шнирельманом были охарактеризованы основные сюжеты национального мифотворчества, раскрыты мобилизующие механизмы мифа о далеких предках. Сравнивая современный миф об общности происхождения с мифом архаическим, он выделяет три общих положения: во-первых, это представление о цикличности времени, которое позволяет говорить о периодах упадка и возрождения; во-вторых, противоречащее первому (что не критично в мифологическом пространстве) представление о глубокой абсолютной древности народа: «Миф пытается представить предков едва ли не древнейшими людьми на планете, — пишет В.А. Шнирельман, — во всяком случае более древними, чем предки соседних народов»; в-третьих, поиск связи с каким-нибудь известным народом прошлого [46. С. 12–34]. Отвечая на вопрос, почему именно миф о далеких предках является особенно популярным в построениях интеллектуалов, Шнирельман останавливается на четырех обстоятельствах. Во-первых, мифологизировать проще то, о чем известно немного. Во-вторых, прошлое «много легче изобразить в виде культурных целостностей и наделить их единой волей, превратив в коллективных былинных богатырей, культурных героев». В-третьих, ближайшее прошлое часто омрачено колониальным игом и соответственно не может быть пригодным для использования в качестве престижных ассоциаций. В-четвертых, «популярно мнение, что многовековая преемственность придает особый престиж культуре и заставляет считаться с ее носителями, позволяя им претендовать на высокий социальный статус» [47. С. 268].

Таким образом, шанс археологических материалов, как материалов, являющихся основным источником для изучения «далеких предков», оформиться в виде топоса национальной памяти очень высок. Рассмотрим основные свойства собственно археологических источников, делающие их притягательными для конструирования прошлого.

Во-первых, археологические данные уже в силу своей древности являются поводом для гордости.

В идее первичности проявляются психологические особенности понимания престижа.

Во-вторых, в археологических материалах кроется ключевой для национализма вопрос о происхождении народа и государства. Это событие является ключевым местом социальной памяти, своего рода точкой отсчета, обращение к которой способствует развитию и укреплению чувства солидарности.

В-третьих, политических претензий к археологическим данным со стороны общественности, как правило, нет, что обеспечивает по отношению к ним максимальную лояльность. Исторические события, в отношении которых отсутствует национальный консенсус, всегда тесно связаны с текущим политическим моментом, и их конфликтность будет угасать по мере удаления от современности.

В-четвертых, археологические находки широко известны, обращение к ним не требует дополнительных пояснений и научных комментариев. Как правило, археологические находки сопровождаются информационными сюжетами в СМИ, на них основываются туристические маршруты и т.д.

В-пятых, в качестве археологических данных может выступать единственная вещь, что делает их доступными для восприятия. Их историческое и общественное значение для обывателя выглядит более очевидным и убедительным, в отличие от проблемных письменных источников. Именно это качество упрощает их использование в качестве национальных символов.

В-шестых, в силу известной ограниченности и фрагментарности археологического источника и, как правило, наличия большого числа интерпретаций, древнее прошлое проще исказить или представить в нужном свете.

Таким образом, развитие археологии и национализма взаимообусловлено благодаря специфическим свойствам археологических топосов национальной памяти, которые позволяют идеологически удерживать субъект в поле притяжения политического сообщества с особой силой.

Теоретические и методологические вопросы, актуализирующиеся в рамках проблемы взаимоотношений

археологии и национализма, формулируются в контексте ключевой проблемы исторического знания – соотношения субъекта и объекта исследования. Решать их сугубо с точки зрения логики развития археологической науки или только исходя из жесткой детерминированности археологии политикой было бы значительным упрощением. Б. Триггер призывает отказаться от противопоставления экстерналистских и интерналистских факторов развития археологической науки. Археологи всегда будут вынуждены адаптироваться к политической и экономической ситуации, которая может как содействовать развитию науки, так и сдерживать его. В то же время интерпретация прошлого в значительной мере определяется и внутренними факторами – знаниями археологов, методами, которые они используют для реконструкции прошлого. Очевидным является то, отмечает Триггер, что исследования археологов – это не простое отражение их этнической и классовой принадлежности или результат влияния на них какой-то авторитетной фигуры, даже если она способна к экономическому и политическому принуждению. Выводы археологов определяются состоянием науки в определенном месте в определенное время. Более того, все эти факторы еще и по-своему преломляются личностью археолога. Из этого следует вывод, что развитие археологии следует понимать как процесс многолинейный и, следовательно, труднопредсказуемый [48. С. 265–266].

Взаимодействие археологии, государственной власти и национального процесса в современном мире носит регулярный характер: потребности национально-государственного самосознания формируют политическую повестку, государство направляет научное знание и общественное мнение, наука создает основания для государственной идеологии и формирует национальный дискурс и т.д. Дополнительные трудности в изучении этих проблем вносит необходимость учета текущей социально-экономической и политической ситуации. Все это формирует новое, нехоженое исследовательское пространство, изучение которого требует комплексной подготовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малая советская энциклопедия*. 2-е изд. М., 1933. Т. 1 : АА – Болгары.
2. Клейн Л.С. Археология в седле (Косина с расстояния в 70 лет) // *Stratum Plus*. Кишинев : Высш. антрополог. шк., 2000.
3. Вдовин А.И. Подлинная история русских. XX век. М. : Алгоритм, 2010.
4. Shnirelman V.A. From internationalism to nationalism: forgotten pages of Soviet Archaeology in the 1930s and 1940s // *Nationalism, politics and the practice of archaeology*. Cambridge : Cambridge University Press, 1995.
5. Шнирельман В.А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // *Этнографическое обозрение*. 1993. № 3.
6. Клейн Л.С. История археологической мысли : в 2 т. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2011. Т. 1.
7. Аксенова Е.П., Васильев М.А. Проблемы этногонии славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930–1940-х годов // *Славяноведение*. 1993. № 2.
8. Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб. : Фарн, 1993.
9. Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. СПб. : Бельведер, 2004. Кн. 1: Метаархеология.
10. McGuire R.H. Foreword: Politics Is a Dirty Word, but Then Archaeology Is a Dirty Business // *Archaeology and Capitalism: From Ethics to Politics* / ed. by Y Hamilakis & P. Duke. Left Coast Press, Walnut Creek, 2007.
11. Shanks M. *Archaeology and Politics: A Companion to Archaeology*. Blackwell, Oxford, 2006.
12. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М. : КДУ, 2005.
13. Коллинз Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М. : Наука, 1980.
14. Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М. : АН СССР, 1961.
15. Trigger B.G. *A history of archaeological thought*. Cambridge : Cambridge University Press, 1989.
16. Платонова Н.И. История археологической мысли в России: вторая половина XIX – первая треть XX в. СПб. : Нестор-История, 2010.
17. Клейн Л.С. История археологической мысли : в 2 т. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2011. Т. 1.
18. Jones S. *The Archaeology of Ethnicity*. London : Routledge, 1997.

19. Шнирельман В.А. Постмодернизм, этнонационализм и распад Советского Союза // Профессионалы за сотрудничество. М., 1998. Вып. 2.
20. Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб.: ФАРН, 1993.
21. Feder K.L. Encyclopedia of Dubious Archaeology: From Atlantis to the Walam Olum. Santa Barbara, Calif.: Greenwood, 2010.
22. Клейн Л.С. История археологической мысли: в 2 т. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2011. Т. 1.
23. Фаган Б.М., ДеКорс К. Р. Археология. В начале. М.: Техносфера, 2007.
24. Feder K.L. Frauds, Myths, and Mysteries: Science and Pseudoscience in Archaeology. 2nd ed. Mountain View, Calif.: Mayfield, 1996.
25. Archaeological Fantasies: How pseudoarchaeology misrepresents the past and misleads the public. N.Y.: Routledge, 2006.
26. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М.: ИА РАН, 2011.
27. Шнирельман В.А. «Цепной пес расы»: диванная расология как защитница «белого человека» // Верхи и низы русского национализма. М.: Центр-Сова, 2007.
28. Клейн Л.С. Дилетантизм в археологии // Здравый смысл. Весна. 2010. № 2 (55). URL: <http://atheismru.narod.ru>
29. Arnold B. The Past as Propaganda: Totalitarian Archaeology in Nazi Germany // Antiquity. 1990. № 64 (244).
30. Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993.
31. Шнирельман В.А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3.
32. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. М.: Знак, 2004.
33. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: БГУ, 2005.
34. Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011.
35. Díaz-Andreu M., Champion T. Nationalism and archaeology in Europe: an Introduction // Nationalism and Archaeology in Europe. London: UCL Press, 1996.
36. Kohl P.L. Nationalism and Archaeology: On the Constructions of Nations and the Reconstructions of the Remote Past // Annual Review of Anthropology. 1998. Vol. 27.
37. Монгайт А.Л. Археология и современность. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
38. Silberman N.A. Between Past and Present: Archaeology, Ideology, and Nationalism in the Modern Middle East. N.Y.: Henry Holt, 1989.
39. Meskell L., Prentice R.W. Politics // Companion to Social Archaeology. Oxford: Blackwell, 2004.
40. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышление об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
41. Юрнева Т.Ю. Музееведение: учеб. для высш. шк. М.: Академический Проект, 2003.
42. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
43. Шнирельман В.А. Очарование седой древности: Мифы о происхождении в современных школьных учебниках // Неприкосновенный запас. 2004. № 5.
44. Ренан Э. Собрание сочинений: в 12 т. Киев, 1902. Т. 6.
45. Ассман Я. Культурная память. М.: Яз. славян. культ., 2004.
46. Шнирельман В.А. Ценность прошлого: этноцентрические исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. М.: Гендальф, 2000.
47. Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Нов. лит. обзор., 2006.
48. Trigger B.G. Romanticism, nationalism, and archaeology // Nationalism, politics, and the practice of archaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 ноября 2013 г.

Mikhailov Dmitry A. Siberian branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/15617793/378/22

ARCHEOLOGY AND NATIONALISM: SUBJECT AREAS AND MAIN DIRECTIONS OF RESEARCH.

Key words: archeology; nationalism; ethnogenesis; pseudoscience; social memory.

This paper attempts to identify and classify the major areas of research, developing in the relationship problems of archeology and nationalism. Based on the fact that the main objects of study, updated as part of the problem, are the scientific knowledge, state, national policies and national movements, there are three key subject areas. The first subject area includes the study of the logic of the national discourse in the archaeological knowledge – scientific concepts and approaches that form the cultural capital of nationalism. Methodological bases of formation of national discourse in archeology are associated with the spread of the ideas of Romanticism, establishment of the cultural-historical school, development of ethnogenetic research. The same problem field updates one more line – the impact of pseudo-archaeological literature on the formation of national consciousness, which in turn raises questions about the relation of scientific archeology and amateur approach. The second subject area considers the dependence of historical interpretations of archaeological materials on the political situation, the use of archeology by the state for national mobilization. It is noted that in addition to the analysis of concrete situations of historiography related to the formation and development of nationalism, the researchers focused on the mechanisms of the state control over archeology, and through it over the mass consciousness. There are several options for the state and archeology interaction associated with the formation of national identity. The third subject are focuses on the role of archeology in the formation of social memory as a specific perception of the past, bringing cumulative political entity. In the national consciousness views of the past are critical, it is social memory, presented in the form of myths. Therefore, the past, and archeology in particular, play not only a mobilizing, but also a stabilizing role for the community. The past is an important element of a meaningful national identity, which provides the national community with a possibility to operate. There are specific properties of archaeological topos of the national memory, which allow to ideologically keep the subject in the gravity field of the political community with a particular force. Theoretical and methodological issues actualised in the problem of archeology and nationalism relations are formulated in the context of the key problems of historical knowledge – the ratio of the subject and object of research. The attempt to resolve them purely in terms of the logic of development of archeology, or only on the basis of the hard determinism of archeology by policy would mean a significant simplification of the problem. The interaction of archeology, state and national process in the modern world is regular. Additional complexity in its study is the need to address the current socio-economic and political situation. All this forms a new, unexplored research area, the study of which requires comprehensive preparation.

REFERENCES

1. Malaya sovetskaya entsiklopediya. 2-e izd. M., 1933. T. 1 : AA – Bolgary.
2. Kleyн L.S. Arkheologiya v sedle (Kosina s rasstoyaniya v 70 let) // Stratum Plus. Kishinev : Vyssh. antropolog. shk., 2000.

3. *Vdovin A.I.* Podlinnaya istoriya russkikh. XX vek. M. : Algoritm, 2010.
4. *Shnirel'man V.A.* From internationalism to nationalism: forgotten pages of Soviet Archaeology in the 1930s and 1940s // Nationalism, politics and the practice of archaeology. Cambridge : Cambridge University Press, 1995.
5. *Shnirel'man V.A.* Zloklyucheniya odnoy nauki: etnogeneticheskie issledovaniya i stalinskaya natsional'naya politika // Etnograficheskoe obozrenie. 1993. № 3.
6. *Kleyn L.S.* Istoriya arkhelogicheskoy mysli : v 2 t. SPb. : Izd-vo SPb. un-ta, 2011. T. 1.
7. *Aksenova E.P., Vasil'ev M.A.* Problemy etnogonii slavyanstva i ego vetvey v akademicheskikh diskussiyakh rubezha 1930–1940-kh go-dov // Slavyan-ovedenie. 1993. № 2.
8. *Kleyn L.S.* Fenomen sovetskoy arkhelogii. SPb. : Farn, 1993.
9. *Kleyn L.S.* Vvedenie v teoreticheskuyu arkhelogiyu. SPb. : Bel'veder, 2004. Kn. 1: Metaarkhelogiya.
10. *McGuire R.H.* Foreword: Politics Is a Dirty Word, but Then Archaeology Is a Dirty Business // Archaeology and Capitalism: From Ethics to Politics / ed. by Y Hamilakis & P. Duke. Left Coast Press, Walnut Creek, 2007.
11. *Shanks M.* Archaeology and Politic // A Companion to Archaeology. Blackwell, Oxford, 2006.
12. *Malakhov V.S.* Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya. M. : KDU, 2005.
13. *Kollingrud R.* Dzh. Ideya istorii. Avtobiografiya. M. : Nauka, 1980.
14. *Formozov A.A.* Ocherki po istorii russkoy arkhelogii. M. : AN SSSR, 1961.
15. *Trigger B.G.* A history of archaeological thought. Cambridge : Cambridge University Press, 1989.
16. *Platonova N.I.* Istoriya arkhelogicheskoy mysli v Rossii: vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX v. SPb. : Nestor-Istoriya, 2010.
17. *Kleyn L.S.* Istoriya arkhelogicheskoy mysli : v 2 t. SPb.: Izd-vo SPb. un-ta, 2011. T. 1.
18. *Jones S.* The Archaeology of Ethnicity. London : Routledge, 1997.
19. *Shnirel'man V.A.* Postmodernizm, etnonatsionalizm i raspad Sovetskogo Soyuza // Professionaly za sotrudnichestvo. M., 1998. Vyp. 2.
20. *Kleyn L.S.* Fenomen sovetskoy arkhelogii. SPb. : FARN, 1993.
21. *Feder K.L.* Encyclopedia of Dubious Archaeology: From Atlantis to the Walam Olum. Santa Barbara, Calif : Greenwood, 2010.
22. *Kleyn L.S.* Istoriya arkhelogicheskoy mysli : v 2 t. SPb. : Izd-vo SPb. un-ta, 2011. T. 1.
23. *Fagan B.M., DeKors K. R.* Arkhelogiya. V nachale. M. : Tekhnosfera, 2007.
24. *Feder K.L.* Frauds, Myths, and Mysteries: Science and Pseudoscience in Archaeology. 2nd ed. Mountain View, Calif.: Mayfield, 1996.
25. *Archaeological Fantasies: How pseudoarchaeology misrepresents the past and misleads the public.* N.Y. : Routledge, 2006.
26. *Dal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniye etnokraticheskikh mifov.* M. : IA RAN, 2011.
27. *Shnirel'man V.A.* "Tsepnoy pes rasy": divannaya rasologiya kak zashchitnitsa «belogo cheloveka» // Verkhi i nizy russkogo natsionalizma. M. : Tsentr-Sova, 2007.
28. *Kleyn L.S.* Diletantizm v arkhelogii // Zdravyy smysl. Vesna. 2010. № 2 (55). URL: <http://atheismru.narod.ru>
29. *Arnold B.* The Past as Propaganda: Totalitarian Archaeology in Nazi Germany // Antiquity. 1990. № 64 (244).
30. *Kleyn L.S.* Fenomen sovetskoy arkhelogii. SPb. : Farn, 1993.
31. *Shnirel'man V.A.* Zloklyucheniya odnoy nauki: etnogeneticheskie issledovaniya i stalinskaya natsional'naya politika // Etnograficheskoe obozrenie. 1993. № 3.
32. *Formozov A.A.* Russkie arkhelogi v period totalitarizma. M. : Znak, 2004.
33. *Dubrovskiy A.M.* Istoriik i vlast': istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal'noy Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.). Bryansk : BGU, 2005.
34. *Yurganov A.L.* Russkoe natsional'noe gosudarstvo: Zhiznenny mir istorikov epokhi stalinizma. M. : RGGU, 2011.
35. *Diaz-Andreu M., Champion T.* Nationalism and archaeology in Europe: an Introduction // Nationalism and Archaeology in Europe. London : UCL Press, 1996.
36. *Kohl P.L.* Nationalism and Archaeology: Op the Constructions of Nations and the Reconstructions of the Remote Past // Annual Review of Anthropology. 1998. Vol. 27.
37. *Mongayt A.L.* Arkhelogiya i sovremennost'. M. : Izd-vo AN SSSR, 1963.
38. *Silberman N.A.* Between Past and Present: Archaeology, Ideology, and Nationalism in the Modern Middle East. N.Y. : Henry Holt, 1989.
39. *Meskel L., Prencel R.W.* Politics // Companion to Social Archaeology. Oxford : Blackwell, 2004.
40. *Anderson B.* Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshlenie ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma. M. : Kanon-Press-Ts: Kuchkovo pole, 2001.
41. *Yureneva T.Yu.* Muzevedenie : ucheb. dlya vyssh. shk. M. : Akademicheskiiy Proekt, 2003.
42. *Gellner E.* Natsii i natsionalizm. M. : Progress, 1991.
43. *Shnirel'man V.A.* Ocharovanie sedoy drevnosti: Mify o proiskhozhdenii v sovremennykh shkol'nykh uchebni-kakh // Neprikosnovenny zas. 2004. № 5.
44. *Renan E.* Sbranie sochineniy : v 12 t. Kiev, 1902. T. 6.
45. *Assman Ya.* Kul'turnaya pamyat'. M. : Yaz. slavyan. kul't., 2004.
46. *Shnirel'man V.A.* Tsennost' proshlogo: etnotsentricheskie istoricheskie mify, identichnost' i etnopolitika // Real'nost' etnicheskikh mifov. M. : Gen-dal'f, 2000.
47. *Shnirel'man V.A.* Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v KhKh veke. M. : Nov. lit. obozr., 2006.
48. *Trigger B.G.* Romanticism, nationalism, and archaeology // Nationalism, politics, and the practice of archaeology. Cambridge : Cambridge University Press, 1995.